

11. Панофский, Э. Готическая архитектура и схоластика /Пер. Л.Н. Житковой / Э. Панофский // Панофский, Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 213–328.

12. Шмитт, Ж.-К. Историк и изображения /Пер. с фр. С.И. Лучицкой / Ж.-К. Шмитт // Одиссей. Человек в истории. Слово и образ в средневековой культуре. 2002. – М.: Наука, 2002. – С. 9–29.

СТРАХ КАК ЭЛЕМЕНТ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕНТАЛИТЕТА

Е.Н. Сурта, БГПУ (Минск)

Непросто анализировать страх, который гораздо сильнее, чем мы сегодня предполагаем, влиял на жизнь средневекового человека. Страх был многолик и многослоен, на него влияла как определявшаяся христианством религиозно-мировоззренческая система средневекового Запада, так и сословно-социальная принадлежность людей, а также экономические и природные условия существования общества в целом. Как, в частности, считает Ж. Делюмо, страх можно рассматривать в двух плоскостях: один уровень – это низшие слои населения, а другой – это слою с более высоким социальным и культурным уровнем [1, с. 38]. В светской традиции мужество и храбрость считались в Средневековье неотъемлемой элементом сословной чести и характеристикой благородных людей, страх и трусость, напротив, были имманентной чертой простолюдина, как это представляли средневековые хронисты, а также рыцарская литература. Исключение составляла богобоязненность, находившаяся за рамками тенденциозной чёрно-белой картины. Кроме того, изменения, всё непривычное и необычное рассматривались людьми как нарушение существующего порядка, как-то, отчего исходила угроза. Даль, новое и изменчивое вызывали страх и даже своего ближнего, своего соседа опасались не меньше [1, с. 74].

Принципиальное значение имели коллективные страхи, вызываемые природными явлениями и катастрофами (например, землетрясениями, кометами, эпидемиями, неурожаями, голодом), но особенно пугающими образами суеверий и клерикально-церковной картины мира (например, демоны или ведьмы, учение о первородном грехе и аде). Первые были спонтанными страхами, характерными для широких слоёв населения, а вторые – осознанными страхами, сформулированными духовными руководителями общества – церковью. Спонтанные страхи в свою очередь делились на две категории: квази-постоянные страхи перед морем, звёздами, призраками и т.д., другие были циклическими и появлялись периодически в связи с возникавшими экстремальными ситуациями, такими, например, как чума, голод, повышение налогов и бесчинства в ходе в военных действий [1, с. 38].

Постоянные страхи были присущи людям всех социальных слоёв. Циклические страхи могли охватывать как всё население (периоды чумы, например), так и отдельные сословия или определённые сословные группы [1, с. 38]. Некоторые из этих страхов, прежде всего страх перед непогодой, неурожаями и голодом, были особенно характерны для социальных низов общества, в то время как чувства страха из-за козней дьявола или божьей кары были в равной степени присущи всем.

Страх можно реконструировать по текстам и визуальным изображениям той эпохи, представляющим опасные действия сверхъестественных существ в реальном мире. Это был, прежде всего, религиозный страх: страх перед дьяволом или демонами, страх перед персонализированной смертью и, наконец, страх перед богом. В разные исторические периоды страх перед демоническими, сверхъестественными объектами интерпретировался по-разному. В поздней античности и в Раннее средневековье страх перед ними вызывал агрессию, которая направлялась непосредственно против данных проекций: доминировал мотив победной борьбы со злом в образе сатаны. В Высокое средневековье ситуация меняется: кратковременному приглушению темы в интеллектуальных кругах противостоит заметное возрастание демонического присутствия в изобразительном искусстве. В Позднее средневековье власть демонов оценивается ещё выше: они толкают людей, которые вступают с ними в пакт и им молятся, к заговорам против церкви, они являются в эмоциональном мире мистической медитации виновниками всевозможных телесных и духовных искушений и соблазнов. Уже недостаточны обычные сакраменталии для защиты от зла, оно должно быть поражено в своих основах, еретиках и ведьмах, и посредством огня отправлено в ад [3].

Путь в царство бога проходил исключительно через церковь, она была посредницей между бедностью и богатством, между человеком и богом, между земным и небесным мирами. Она определяла картину мира и указывала путь из земной ядолой в потусторонний мир. [2] Церковь изобличала и разоблачала сатану. Она перечисляла состав зла, которое исходило от него, и его приспешников: евреев, еретиков, ведьм. В поисках антихриста она предвозвещала предстоящий Страшный суд, который должен был стать страшным испытанием, но одновременно он должен был и покончить с убогостью мира. Глобальный страх смерти, таким образом, разделялся на различные страхи, каждый из которых был сам по себе ужасен. Это определяло опасности и противников, с которыми с божьей помощью можно было померяться силами, также, если борьба и не была бы лёгкой. Учение церкви было в целом следующим: волки, море и звёзды, чума и голод, а также войны – менее опасны, чем дьявол и грех, а смерть тела – менее ужасна, чем смерть души [1, с. 39].

От таких коллективных страхов пытались избавиться путём агрессии, и находили для этого козлов отпущения в мнимых лицах, причиняющих вред, таких как евреи, прокажённые, еретики или

ведьмы. Церковь должна была неизбежно беспощадно бороться с теми виновниками страхов, которых она придумала сама: сатаной и связанных с ним богохульников, еретиков, заклинателей демонов и антихристов. Чем более жестоко обходились с подобными врагами бога, тем быстрее усмирjali гнев бога и успокаивали собственные страхи. Страх можно считать типичным и имманентно присутствующим для Средневековья, он перманентно разжигался проповедниками, не уставшими рисовать верующим впечатляющие муки в аду. Страх осознанно продуцировался и поддерживался церковью, чтобы надежда на спасение души и загробное спасение приобретались посредством как можно большего количества благочестивых пожертвований и дарений [3].

В позднесредневековых источниках, кроме того, появляется ещё одна, связанная со страхом и фобиями тема – страх перед смертью. Этот страх перед смертным часом становится более выраженным – он являлся объектом рефлексии и представлялся в тексте и визуальном образе в невиданном до того времени масштабе. На сцену вступает персонафицированная смерть. Особенно в период кризиса XIV в. образы страха умножаются. Однако не только они: ярко выраженная реакция на эпидемии чумы приводит к новому формированию образа бога, распространяется новая иконографическая тема: бог отец или бог сын сами со стрелами и копьями нападают на людей, Мария и святые выступают посредниками. Тем же оружием угрожает людям и смерть.

Смерть была вездесуща в Средневековье. Жизнь людей в решающей степени характеризовалась отсутствием уверенности в завтрашнем дне, которая была следствием плохих социальных условий существования, недостаточной гигиены и болезней. Смерть была в Средневековье повседневным элементом жизни. Она была намного менее табуизирована, чем в современном обществе. Она была постоянным спутником людей, которые постоянно с ней сталкивались и постоянно к ней готовились. Изображения «танцев мертвецов» и «плясок смерти» на кладбищенских оградах, в церковных и монастырских галереях, а также в книжной миниатюре демонстрируют вездесущность смерти. «В центре жизни мы окружены смертью» («*Media vita in morte sumus*»), – данное послание, отражающее это представление приписывают бенедиктинскому монаху Ноткверу Немецкому, жившему в IX в., который, согласно легенде, высказался таким образом, когда он увидел рабочих при строительстве моста над пропастью, и у него захватило дух при наблюдении того, какой узкой была грань между безопасной работой на лесах и возможным вызванным неосторожностью падением в бездну [2]. Представители всех сословий, любого возраста и пола танцевали с полустлевыми образами мертвецов или со смертью. Смерть конфронтировала человека со специфической критикой его стиля жизни. Человек, видящий данные образы, должен был прийти к размышлениям о своей бренности и тленности. Каждый должен был иметь смерть перед глазами и думать о спасении души [2].

То, что психология подсознательного сегодня называет «теньями, тёмными участками» в личности, идентифицировалось в Средневековье с существами, действующими вне человека: как со злым самим по себе дьяволом, так и с наполненным гневом богом. В качестве кода для представляемого звучит сказанное Лютером в одной из проповедей 21 мая 1537 о своём монастырском периоде: «Когда я смотрел на Христа, то мне казалось, что я вижу дьявола» [3].

Вера в бога находилась в фокусе восприятия жизни. Предпринимаемые хотя бы раз в жизни паломничества к святым местам отражали представления людей в Средневековье о путешествии, при котором земная жизнь была лишь переходной и преходящей фазой на пути в лучшую жизнь в потустороннем мире. Покаяние и добрые дела содействовали спасению души. Однако, несмотря на надежды загробного воздаяния, опасались периода покаяния в чистилище и «горения» в аду, а также вечного проклятия. Данного наказания можно было избежать путём отсутствия провинностей в земном мире либо путём раскаяния и покаяния. Богатство и бедность считались богоданными. Имущие совершали благое дело, жертвуя нуждающимся, например, продукты питания. Нищие видели в этом проявление божьей милости. Церковь учила, что милостыня может спасти от проклятия и таким образом даёт возможность купить себе вечную жизнь [2].

Вступление в монастырь предоставляло наибольшую гарантию на положительный исход в загробном мире, отказавшись от личного имущества, посвятив себя исключительно службе богу, молясь, читая религиозные писания и добывая содержание трудом собственных рук. Задачей монастырей было оказание помощи нуждающимся, при этом также госпитали играли в Средневековье заметную роль в качестве попечительских заведений. Они служили прибежищем для пилигримов и больных, стариков и сирот. Чаще всего они управлялись монастырями, финансировались за счёт пожертвований, дарений, благотворительности и завещаний [2]. Основание госпиталей отражало религиозность людей, от которых требовалось творить добро для спасения души и избавления от страха загробного воздаяния.

Литература

1. Delumeau J. Angst im Abendland: die Geschichte kollektiver Ängste im Europa des 14. – 18. Jahrhunderts. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1989.650 S.
2. <https://www.planet-schule.de/wissenspool/die-stadt-im-spaeten-mittelalter/inhalt/hintergrund/hoellenangst-und-seelenheil.html> – Дата доступа: 06.10.2014.
3. <http://u01151612502.user.hosting-agency.de/malexwiki/index.php/Angst> – Дата доступа: 06.10.2014.